

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2=411.2)52

Любовь-сострадание – важнейший элемент структуры русского культурного кода

Герасимова Светлана Валентиновна

*Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, Москва, Россия
Московский политехнический университет, Москва, Россия
E-mail: metanoik@gmail.com*

АННОТАЦИЯ.

Цель статьи – соотнести принципы генезиса любви-сострадания в русской культуре с художественными моделями ее воплощения в художественной литературе, показать, как любовь и сострадание формируют русскую культурную идентичность и влияют на жизнь людей, вдохновляя их на добрые поступки и взаимопомощь. В качестве материала для анализа этой проблемы выбраны произведения художественной литературы. Концептуализация любви-сострадания представлена в повести Тэффи «Предел». Развивается эта тема и в литературе Золотого века. Татьяна Ларина в романе Пушкина от европейской любви-идеализации духовно созревает до любви-сострадания к Онегину, не перестав его любить, даже когда он стал для нее убийцей Ленского и пародией на романтического героя. Сонечка Мармеладова представлена как гений любви-сострадания. Основанные на анализе этой проблемы, в статье сформулированы важные выводы. Сакральный код любви-сострадания ко Христу формирует русское понимание любви-сострадания в повседневной жизни. Сакральный опыт определяет обыденный. Любовь-сострадание – сердцевина русской культуры. Этот тип любви коррелирует с идеалом юродства, потемневшими иконами, апофатическим богословием и философией кенозиса, которую разрабатывали русские религиозные философы.

Ключевые слова: сакральная и профанная культура, культурный код, сострадание, Пушкин, Достоевский, Тэффи, религиозные философы.

Love-compassion is the most important element of the structure of the Russian cultural code

Gerasimova Svetlana Valentinovna

*Kosygin Russian State University, Moscow, Russia
Moscow Polytechnic University, Moscow, Russia
E-mail: metanoik@gmail.com*

ABSTRACT.

The purpose of the article is to correlate the principles of the genesis of love-compassion in Russian culture with artistic models of its realization in fiction, to show how love-compassion forms Russian cultural identity and influences people's lives, inspiring them to good deeds and mutual assistance. Works of fiction were chosen as material for the analysis of this problem. The conceptualization of love-compassion is presented in Tefi's story «The Limit» («Predel»). This theme is also developed in the literature of the Golden Age. In Pushkin's novel-poem, Tatyana Larina spiritually matures from European love-idealization to love-compassion for Onegin,

not ceasing to love him, even when he became for her the murderer of Lensky and a parody of a romantic hero. Sonechka Marmeladova is presented as a genius of love-compassion. Based on the analysis of this problem, the article formulates important conclusions. The sacred code of love-compassion for Christ forms the Russian understanding of love-compassion in everyday life. Sacred experience determines the ordinary. Love-compassion is the core of Russian culture. This type of love correlates with the ideal of foolishness, darkened icons, apophatic theology and the philosophy of kenosis, which was developed by Russian religious philosophers.

Keywords: *sacred and profane culture, cultural code, compassion, Pushkin, Dostoevsky, Teffi, religious philosophers.*

1. ВВЕДЕНИЕ

Цель статьи – осмыслить причины зарождения любви-сострадания в контексте русской культуры, а также проиллюстрировать, как это чувство отражается в произведениях художественной литературы. Важно понять, каким образом любовь-сострадание становится фундаментальным элементом русской культурной идентичности, формируя не только внутренний мир человека, но и отношения между людьми.

Гипотеза: сакральный код культуры определяет профанный код.

Любовь-сострадание, зародившаяся в сакральной сфере, становится неотъемлемой частью повседневной культуры, которую отражает русская литература, где любовь-сострадание выступает как источник, вдохновляющий героев нести в мир милость, проявлять взаимопомощь. Эти чувства, пронизывающие произведения русских классиков, таких как Александр Пушкин, Лев Толстой, Фёдор Достоевский и др., подчеркивают важность солидарности и поддержки в дни жизненных испытаний.

Литературно-художественные образы служат примерами духовной красоты и ответственности, самопожертвования и стремления к гармонии с совестью и людьми, что крайне важно для понимания глубинных основ русской культурной традиции. Итак, статья содержит материал, нацеленный на то, чтобы показать, как любовь-сострадание становится действующей силой, служащей укреплению русской культурной идентичности, а также формированию этических и нравственных ориентиров в обществе.

2. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЛЮБВИ-СОСТРАДАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНА В ПОВЕСТИ ТЭФФИ «ПРЕДЕЛ»

Повесть «Предел» из сборника «Вечерний день» (1924, Прага) в художественном мире Надежды Александровны Тэффи (1872, СПб. – 1952, Париж) [1] считается затянутой, лишенной остроумия и легкости. Однако повесть интересна своим психологизмом. Главный герой – своего рода Печорин, превратившийся сначала в подпольного человека Достоевского, а затем – в маленького человека Тэффи, привыкшего прятать подлинное «я» под защитной маской-личиной. Он влюблен в ту, которую читал, а также видел в театре и на прогулке. Эпистолярный роман становится, в духе начала XX в., телефонным романом. Как и в «Страданиях юного Вертера» Гете, мы слышим только голос героя Тэффи, все остальные голоса звучат, преломившись в его сознании. Герой регулярно звонит своей возлюбленной, исповедуется. Совершенно незнакомая герою женщина узнает, как он ревнует свою жену Лильку, с которой затеял развод, хотя они любят друг друга; как изобретает способы мести, как изощренно унижает женщин. Чувства опустошают его душу: любовь граничит то с ненавистью, то с безразличием, то вспыхивает живым пламенем.

В начале X части герой размышляет: «Во всех западных легендах нечисть, появляющаяся в виде женщины, появляется в самом чувственном и соблазнительном виде... Наша русская нечисть не такова. Она знает, что русскую душу одним телом не соблазнишь. Русскую душу надо брать жалостью. Поэтому что делает русалка? Она плачет... Просто бы сидела или манила, что ли, – иной бы и не подошел. А если плачет, как тут не подойти. Жалко ведь». Герой делает вывод: «Между прочим, ведь “любить” – интеллигентское слово. – Народ говорит “жалеть”. Как это глубоко и горько» [1].

Герой изначально воспринимает любовь как борьбу за лидерство. Но эта борьба разрушила его брак. Но и любовь-мучительство (мучительство героем Варвары Ивановны в 16 части, например) – это маска. Герою открывается любовь как страдание и сострадание. Бессмысленное страдание неразделенной любви кажется ему страшной крестных мук, в которых был великий смысл. Любовное страдание бессмысленно: «Сын Божий кричал на кресте. <...> И страдал же Он “во имя”. Во имя многие могут, и с радостью. А вот простое человеческое бессмысленное страдание, кто его одолеет безропотно?» [1]

Единственно возможная форма любви в повести рождается в душе героя на перекрестке страдания и сострадания. Герой мучит любимую, и сострадание к мучимой женщине прорезает любовью к ней всю глубину его души. Любовь-сострадание на время становится следствием любви-мучительства, но привычка мучить окончательно убивает любовь.

В сборнике «О нежности» [2] (Т. 4) Тэффи развивает тему любви-сострадания, очистив ее от любви-мучительства. Светозарные варианты детской любви-сострадания представлены в одноименном рассказе. Вот сестренка главной героини Ленка спеленала безобразного слоника и любит его именно за то, как щемящее безобразен он в этих пеленках. А мрачный мальчик Миша, страдающий подсвечнику за то, что ему пришлось стойко выстоять все время, уступил ему свою постельку, дал отдохнуть, приютившись у самого края, и с топотом танцевал, когда ему удалось отдать подсвечнику только что подаренную шоколадку, может быть, единственную за этот год.

Любовь-сострадание как один из пяти основных типов любви выделил и русский американец Михаил Эпштейн [3]. И выделил именно потому, что увез в Америку свое чисто русское понимание любви. Стендаль в трактате «О любви» [4] как единственно достойную носить это высокое имя выделяет любовь-страсть, но любви-сострадания не упоминает. Примеры любви-сострадания встречаются на периферии европейской культуры, но не формируют культурного кода.

3. ГЕНЕЗИС ЛЮБВИ-СОСТРАДАНИЯ СВЯЗАН С САКРАЛЬНЫМ ТИПОМ КУЛЬТУРЫ

Любовь-сострадание, важнейший элемент культурного кода России, зарождалась вместе с самой только что принявшей крещение Русью и потому прочно вошла в ее культурный код.

Русская крестьянка, обняв крест, плача и любя Христа Распятого, училась любить не только сакральной любовью, но и бытовой.

Профанная, или бытовая, позже – светская культура – отражение культуры сакральной. Любовью-состраданием любили в Древней Руси страстотерпцев Бориса и Глеба, но даже грекам был не понятен этот тип святости [5].

Именно сострадание Богу у Голгофы в храме учит любви-состраданию к страстотерпцам. Почитание свв. Бориса и Глеба становится общерусским. Общерусской становится почитание Христа не в славе – а в умалении, святых – в подвиге смирения во имя любви. Выстраивается целая цепочка образов «славы в умалении», соединяющая сакральный полюс культуры с профанным:

Творец, распятый Своим творением – Страстотерпчество – юродство (эти два подвига святости неизвестны или приемлемы как периферийные на Западе) – высший ум как внешнее безумие и юродство – почитание потемневших икон – поэтика поста, а не пира – традиция черного хлеба, не привившегося на Западе – смиренная охота на грибы, также неизвестная Западу, - а в центре этой цепочки корреляций – любовь-сострадание, соединяющая сакральную любовь ко Христу – и бытовую любовь к членам семьи и общины. Любовь-сострадание – сердцевина русской культуры, определяющая поведение человека в контексте сакральной и профанной культуры.

Это умение видеть красоту в умалении наиболее полно проявилось в кенотическом богословии русских религиозных философов.

Кéносис, или кéнозис (греч. κένωσις – истощание, умаление) – богословское понятие, применяемое для обозначения добровольного умаления Сына Божьего на кресте.

Крест – «для иудеев соблазн, для эллинов безумие» (1 Кор. 1:23).

Кенозис порождает святых особого типа – юродивых, или безумных Христа ради. Апостол Павел говорит: «Мы безумны ради Христа, а вы разумны во Христе; мы немощны, а вы крепки; вы славны, а мы в бесчестии» (1 Кор. 4:10).

И русский человек любовью-состраданием любит Бога, а также людей в их безумии, немощи и бесчестии.

Любовь-жалость порождает не одну святую любовь-сострадание, но и любовь маргинальную, поскольку отверженным может быть не Один Христос, но и преступник, злодей, асоциальный характер.

В результате сакральный логос любви-сострадания порождает множество паразитирующих на нем архетипов. Так появляется любовь, выраженная русской пословицей: «Любовь зла – полюбишь и козла». Русская пословица похожа на древнеримское изречение: «Amor caecus», то есть «любовь слепа». Так, Овидий в «Науке любви» свидетельствует:

Что ни день, то и меньше в красавице видно ущерба
Где казался изъян — глядь, а его уже нет.
Хрупкой назвать не ленись коротышку, а полной — толстушку,
И недостаток одень в смежную с ним красоту [6].

При внешнем сходстве русской пословицы с латинской очевидна разница между ними. Европейец возлюбленную идеализирует и не видит ее недостатков. Русский человек сострадает несчастному и источником любви становится не идеализация, а сострадание. Эти пословицы занимают различное место в семиотической системе наших культур. В Европе любовь соотнесена с идеализацией, для которой необходима слепота. В России любовь коррелирует с состраданием.

4. СПОСОБНОСТЬ К ЛЮБВИ-СОСТРАДАНИЮ НАИБОЛЕЕ ПОЛНО ПРОЯВИЛОСЬ В ХАРАКТЕРАХ ТАТЬЯНЫ ЛАРИНОЙ И СОНЕЧКИ МАРМЕЛАДОВОЙ. ОНА ХАРАКТЕРНА И ДЛЯ ДРУГИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Итак, уникальным, отличным от Западного элементом русского сакрального кода культуры является любовь-сострадание. Однако любовь, рожденная состраданием, не единственная модель любви в русской культуре и литературе. Татьяна Ларина вначале любит модной, заимствованной из Европы сентиментально-романической любовью. В трактате «О любви» Стендаль называет идеализацию любимого крестализацией, осмысляя ее как базис такой любви. И в душе Татьяны произошла кристаллизация образа Онегина, о которой говорит Стендаль: подобно неказистой веточке, внесенной в соляную пещеру, возлюбленный покрылся лучистыми кристаллами соли, преобразившими его.

В Европейской литературе возможна не только любовь идеализация, характерная для начальных глав «Страданий юного Вертера», но и другие типы любви, описанные в трактате «О любви» Стендаля, который выделяет любовь – страсть, влечение, эрос, тщеславие. Греческий язык знает семь типов любви: агапе, филое, эрос, сторге, людус, прагма, мания. В этих каталогах любви, отражающих языковую или семиотическую картину мира, нет любви-жалости.

Любовь-жалость – новообразование кенотического типа культуры

Впоследствии Татьяна осознает, что идеализированный ею человек – страшен. Он убийца дорогого ей Ленского. Героиня заподозрила, что любимый – пародия на окутанного тайной рокового романтического героя. Читатель ждет, что Татьяна разочаруется в Онегине. Разум восторжествует над иррациональным чувством. Но Татьяна не перестает любить. И в этом сила и красота ее личности. Однако на смену европейской модели любви-идеализации приходит русская любовь-сострадание. Татьяна любит Онегина в его безумии, немощи и бесчестии.

Однако если Татьяне необходимы время и опыт, чтобы, как и самому Пушкину, победить в себе европейца и стать всецело русским человеком, то Сонечка Мармеладова рождается с даром к любви-состраданию.

«Любовью-жалостью любит Соня Мармеладова Раскольников, а Мышкин – Настасью Филипповну» [7].

Шолохов фиксирует любовь-жалость в романе-эпопее «Тихий Дон». Этой любовью любят свою невестку Наталью старики Пантелей Прокофьевич и Василиса Ильинична Мелеховы, разрешая ей подольше поспать, желая, чтобы молодая покохалась: «Нехай хучь первый годок покохается, - вздыхала Ильинична, вспоминая свою горбатую в работе жизнь». К любви Григория к Аксинье также примешивается любовь-сострадание, поскольку Аксинью избивает муж – Степан.

Советская поэтесса и переводчица Ирина Анатольевна Снегова (1922-1975) одно из стихотворений начинает строками:

У нас говорят, что мол, любит, и очень,
Мол, балует, холит, ревнует, лелеет...
А, помню, старуха соседка короче,
Как встарь в деревнях, говорила: жалеет [8].

5. ИСТОЧНИКОМ ТИПА ЛЮБВИ, НАИБОЛЕЕ ХАРАКТЕРНОГО ДЛЯ КУЛЬТУРЫ, СТАНОВИТСЯ БОГОСЛОВИЕ

Судя по литературе, сакральный код Европы определяется катафатическим богословием, которое исходит не из непостижимой Божественной сущности, а из Божественных действий и энергий в мире. В катафатическом богословии Творцу даются такие имена, как Мир, Мудрость, Красота. Этот сакральный код есть и в России. Вспомним идею Достоевского: Красота спасет мир. Мир может спасти только Божественная Красота Христа. Но культуры Европы и России, подобно близнецам, в основу своего личностного своеобразия кладут даже малейшие различия, которые несут несравненно большую смысловую и семиотическую нагрузку в сравнении с чертами сходства.

Господь – победитель смерти, идея триумфа определяют сакральный код Европы, порождающий специфику европейского любовного сюжета.

Божественные энергии – это дары, которые несет Господь людям. Мир. Порядок. Благодать. Они рождают благодарность.

Под влиянием этого сакрального кода в светской литературе разрабатывается сюжет рождения любви из чувства благодарности.

В романе Генри Филдинга (1707–1754) «История Тома Джонса, найдёныша» (1749) Софья влюбляется в Тома, когда он поймал и спас от гибели ее выпорхнувшую из клетки птичку. В романах Джейн Остен (1775–1817) особенно часто поднимается проблема взаимосвязи любви и благодарности. Если Элизабет Беннет преодолевает свои гордость и предубеждения в отношении Дарси и влюбляется в него под влиянием благодарности за спасение чести семьи Беннетов в целом и чести Лидии – в частности («Гордость и предубеждение» (1813)), то Генри Кроуфорд пытается манипулировать Фанни Прайс и добиться любви девушки, облагодетельствовав ее брата. В отличие от добрых дел Дарси, поступки Кроуфорда совершаются не под влиянием сердечного порыва – он ведет себя как идущий к цели прагматик. Однако англичане знают, что настоящая любовь не манипулирует. Бальзак приписывает рождение любви чувству благодарности, порожденной любовным наслаждением.

Любовь-сострадание в европейской литературе встречается реже. В этой связи необходимо вспомнить Шекспировскую фразу: «Она меня за муки полюбила,/ а я ее за состраданье к ним», в «Кентерберийском привидении» девушка молится за привидение из сострадания к нему.

Отметим удивительную интуицию Шекспира. Концепт любви-жалости он приписывает мавру. Вписывает его в контекст кенотической культуры, для которой прекрасным из сострадания оказывается не только черный хлеб, потемневшая икона, но и потемневший до состояния мавра возлюбленный.

А когда Горький в драме «На дне» дает Сатину знаменитую реплику: «Чело-век! Это – великолепно! Это звучит... гордо! Че-ло-век! Надо уважать человека! Не жалеть... не унижать его жалостью... уважать надо!» [9] - то тем самым он объявляет войну не только русскому типу любви-жалости, но и русскому кенотическому богословию и порожденному им типу культуры, не случайно фамилия героя, учитывая еврейский принцип написания слов одними согласными – СТН – имеет жесткое антихристианское коннотативное значение.

6. КУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ ВОСТОКА И ЗАПАДА МОЖНО ОСМЫСЛИТЬ НЕ ТОЛЬКО КАК ДИАЛОГ АПОФАТИЧЕСКОГО И КАТАФАТИЧЕСКОГО БОГОСЛОВИЯ, НО И КАК ДИАЛОГ ПРАВОГО И ЛЕВОГО ПОЛУШАРИЯ МОЗГА

Хотя Шпенглер в труде «Закат Европы» указывает, что в единицу исторического времени может существовать только один тип культуры, тем самым лишая Россию какого бы то ни было исторического значения, наши цивилизации, русская и европейская, подобно древнегреческой и древнеримской, составляют единое семиотическое целое.

Общего у нас больше, чем различий, но именно различия исполняют смысловозначительную функцию.

По этому, условно говоря, мы должны обратить внимание на антитетичность культур. На уровне сакрального кода это антитетичность кенотического и апафатического богословия. На уровне светского, или профанного кода культур – это антитеза рационалистического ума и священного или неосвящённого безумия, торжества личного начала – и самокритицизма вплоть до самопопрания, любви-благодарности и любви-жалости.

Русская культура, в отличие от западной, не ставит вопроса, за что мы любим. Любовь-сострадание изливается на само страдание, а не на видимые достоинства страдающего.

Россия и Европа подобны правому и левому полушариям мозга, образующим единой живой организм и единую семиотическую систему сознания и культуры.

Правое полушарие – это полушарие левшей. Оно связано с невербальным и интуитивным началом личности, выразившемся в русском безумии Христа ради – в юродстве.

Левое полушарие – это полушарие правшей. Оно отвечает за речь, разум, сознание, породившие чувство личного достоинства европейца.

Лесков, движимый удивительной интуицией, назвал русского мастера в Европе Левшой.

В русской культуре представлены потенции, рожденные и правым и левым полушарием, но в диалоге с Западом, Россия, по мысли Лескова, позиционирует себя как культура левшей. Древнегреческая и древнеримская культуры образуют устойчивое целое именно потому, что дионисийское, стихийное, правополушарное начало Греции противопоставлено рационалистическому уму римлян-цивилизаторов, их левому полушарию.

Если брать Россию вне диалога с Западом, то внутренняя логика нашего развития, связана с колебательным движением культуры от полюса рационалистического, левополушарного, к полюсу интуитивному, невербальному, правополушарному. Часть повторяет целое и становится его символом. По этому же принципу развивается и каждая отдельная личность.

В художественном творчестве левополушарная доминанта выражается в торжестве художественных форм, которые Ю.М.Лотман называет текстами, а правополушарная доминанта выражается в стремлении к опрощению, или, как выражается Ю.М. Лотман, к созданию не-текстов, исполняющих роль текстов.

7. ДОМИНАНТЫ ПРАВОПОЛУШАРНОГО И ЛЕВОПОЛУШАРНОГО ТИПА КУЛЬТУРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВУЮТ В ТВОРЧЕСТВЕ АНДРЕЯ ГОЛОВА

Большая часть стихотворений Андрея Голова – это сложнейшие тексты, требующие дешифровки. Вне культурного кода они непонятны. Это тексты правшей, ориентированные на рационализм.

Евгений Евтушенко среди произведений А. Голова оценил стихотворение «Забелин» и включил его в «Строфы века»:

ЗАБЕЛИН

Забелин. Зяблик зыбкой старины
Сидит на свитке, сны храня от сглаза.

Пустые щи легенд забелены
Беловиком монаршего указа;
Седой монашек распростерся ниц
Пред Иверской с нездешними очами,
И череда царевен и цариц
Торит сафьяновыми сапожками
Тропинку в том невиданном саду,
Где на свинцовом золоченом скате
Жасмины обнимают резеду
И льнут левкой к Золотой палате,
Где горлицы садятся напрямик
На ерихонке царской, на плече ли,
И к куполам на Троицкий семик
Взлетают тяжело Софьины качели.
А богомольцы с Соловков пришли
В двойных лучах Савватьевского чуда,
И первые Петровы корабли
К усладе мамок чертят чашу пруда.
Пешное действо к сводам тянет дым,
Гранат растет из виршей Симеона,
И против шерсти гладит Третий Рим
Двух византийских львов, что спят у трона.
Но этот слишком благостно возлег
На горностаев у порога славы,
А тот подставил солнцу левый бок
И отдал зубы за штыки Полтавы...[10]

Полюсом опрощения, связанного с миром левшей, в творчестве Андрея Голова можно считать, например, стихотворение «Светлячки»:

СВЕТЛЯЧКИ

Если в келье богомудрого старца,
О смирении сотницу списавша,
Догорит последняя лампада
И свеча последняя дотлеет –
Ему не придется вполугласа
Задремавшего послушника кликать,
Ибо Божьи светлячки вмиг слетятся
И на кончик пера его воссядут,
Чтобы старец, умиленно восплакав
Чистыми теплыми слезами,
Снова понял, что водит по бумаге
Не своей десницей и волей,
Посему и Источник горня Света
Никогда его во тьме не покинет.[10]

Среди структур, которые сознание и мозг проецируют на текст, нужно назвать также текст и подтекст, аналогичные сознанию и подсознанию. «Культура создает не только свою внутреннюю организацию, но и свой тип внешней дезорганизации. Античность конструирует себе «варваров», а «сознание» — «подсознание»[11]. Бессознательным может быть также периферия культуры. Тексты, о которых забыли.

Культура создана не только двоичными аппозициями, соответствующими правому и левому полушарию, но и троичными, отражающими структуру человеческого организма в целом. Трехчастность рук и ног, тела.

Святые отцы выделяли три части души – разумную, гневательную и вожделеющую. Многие современные исследователи, например Кейт Сильвертон, тоже свидетельствует о троичности сознания и мозга.

Сакральными логосами, лежащими в основе двоичности и троичности культуры, видимо, являются логос двух природ Христа и Троицы.

Мы проецируем трочность на мир и верим, что видим объективную картинку мира.

Так, наше сознание делит время на три части – прошлое, настоящее и будущее. Трехвекторно и пространство.

Три времени и три вектора пространства – это парадигмы, становящиеся синтагмой на иконе.

Благодать – это парадигма, ставшая синтагмой и свидетельствующая о возможности троичности обрести единство.

Бог сотворил человека по своему образу и подобию, а человек творит культур по образу и подобию своему.

В результате сакральный код культуры и сакральные логосы задают специфику человеческого сознания, а человеческое сознание формирует культуру, проецируя на нее свои структуры.

8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Любовь-сострадание порождена сакральным типом культуры, связанным с апофатическим богословием и кенотизмом.

В сакральном плане она порождает почитание юродивых, страстотерпцев, потемневших икон.

В бытовом плане она связана с культурой поста, уважения к смиренным грибам и черному хлебу, и главное – к бытовой любви-состраданию, которая объединяет сакральный и профанный полюс культуры.

В диалоге с Западом русская культура также осознает себя как культура катафатического богословия, культура левшей с доминирующим правым полушарием, отвечающим за интуицию.

В русской культуре представлен весь спектр потенциалов, но в диалоге с Западом наиболее важным оказывается не только общее, но и то, что нас различает.

В русской культуре возможны различные типы любви, но в диалоге с западом восточный тип любви-сострадания может быть противопоставлен западному типу любви-идеализации.

Важно также отметить, что любовь-сострадание характерна не только как маркер культуры, важный в диалоге. Любовь-сострадание становится важнейшим условием культурной самоидентификации русского человека.

Человек является образом Божиим, и творит культуру по своему подобию, поэтому в культуре можно выделить те же структуры, что есть в человеке – например, сознанию и подсознанию можно уподобить текст и подтекст; а гармоничный союз левшей, с их интуицией и спонтанностью, и правшей, с их рационализмом, можно выразить на языке культуры любви как союз любви-сострадания и любви-идеализации.

Любовь-сострадание является важнейшим элементом культурной самоидентификации русского человека, стремящегося преобразить любовью мир, позаботиться о ближнем, спасти его от духовных и земных проблем. Так, Сонечка Мармеладова отправляется на каторгу, веря, что ее любовь может преобразить душу Родиона Раскольникова. А Татьяна Ларина продолжает любить Онегина, веря, что любовь является высшей ценностью и разлюбить – значит, перестать быть собой.

Поскольку любовь-сострадание лежит в основе русской культуры, коррелирующей с кенотическим богословием, потенциально существовавшим в русской культуре всегда, то есть задолго до того, как его разработали религиозные философы начала XX в., то ницшеанские идеи Горького о том, что человек – это звучит гордо, направлены не только на разрушение любви-сострадания, но на уничтожение всей

русской культуры в целом, - на разрушение ее базового кенотического богословия, несовместимого с ницшеанством.

Но Горького продолжают изучать в школах, поэтому долг современного педагога состоит в том, чтобы воспитать не космополита, ницшеанского типа, а полноценного носителя русской культуры, способного к жертвенному служению ближнему, к любви к Отчеству и к любви-состраданию.

Мир порождает войны, эпидемии и катаклизмы потому, что в нем недостает любви, взаимопонимания, готовности послужить ближнему своим временем, вниманием, добрым делом и словом.

Важно поверх голоса Горького утвердить голос Пушкина и Достоевского с их универсальной способностью проповедовать русскому человеку высокий идеал любви-сострадания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Тэффи Н.А. Вечерний день : Рассказы. Прага : Пламя, 1924. 148 с. URL: <https://yandex.ru/video/preview/1227830364489565558> (дата обращения 01.12.2024).
- [2] Тэффи Н.А. Нежность. Собр. Соч. в 5 тт. Т. 4. URL: <https://books.yandex.ru/reader/JRwTNaIy?resource=book> (дата обращения: 01.12.2024).
- [3] Эпштейн М. Любовь. М.: РИПОЛ Классик, 2018. 404 с.
- [4] Стендаль. О любви. СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2011. 286 с. (Азбука-классика)
- [5] Федотов Г. Святые Древней Руси. М. : ООО «Издательство АСТ», 2003. 700 с. С. 25-26.
- [6] Овидий Публий Назон. Собрание сочинений в 2 тт. Т. 1. СПб.: Биографический институт «Студия Биографика», 1994. 512 с. С. 177.
- [7] Ястребов А., Буткова О. Боже, спаси русских. М.: РИПОЛ Классик, 2011. 555 с. URL: https://royallib.com/read/yastrebov_andrey/boge_spasi_russkih.html#0 (дата обращения: 01.12.2024)
- [8] Цит по: Колчина Лариса. «Любовь не знает никаких “почему”»: 14 глава. URL: <https://dzen.ru/a/Y56Fj71TMka0vW1N> (дата обращения: 01.12.2024)
- [9] Горький М. Избранные сочинения. М.: Художественная литература, 1986. 1087 с. С. 946
- [10] Голов А.М. Собрание сочинений. URL: <https://stihi.ru/avtor/20715152&book=1#1> (дата обращения 02.12. 2024).
- [11] Лотман М.Ю. Избранные статьи в 3 томах. Т. 1. Таллин: Александра, 1992. 479 с. С. 15

ОБ АВТОРЕ:

Герасимова Светлана Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент Института славянской культуры Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина; доцент Института издательского дела и журналистики Московского политехнического университета.

ORCID 0000-0002-6150-5155

ABOUT THE AUTHOR:

Gerasimova Svetlana Valentinovna, PhD in philology, Associate Professor of the Kosygin Russian State University; Associate Professor of the Moscow Polytechnic University.

ORCID 0000-0002-6150-5155